

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Доктор филологических наук
Ф. П. ФИЛИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

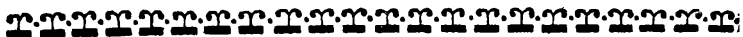
ЛЕНИНГРАД
1954

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Доктор филологических наук
Ф. П. ФИЛИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ЛЕНИНГРАД
1954

Широко распространено мнение, что можно в совершенстве владеть языком, т. е. отлично знать и применять в речевом общении грамматические правила, словарный состав, нормы произношения и орфографии, не имея сведений об истории языка. В общем это мнение является верным, если иметь в виду владение языком в практических целях. Однако, когда речь идет о научном понимании всех сторон и явлений современного языка, становится необходимым историческое изучение языкового развития. Это и понятно. «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох.

Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства.¹ Язык постоянно развивается и совершенствуется, в нем всегда имеет место постепенное отмирание старого качества и зарождение элементов нового качества, причем сложный процесс изменений в разных сторонах языка и языковых явлений происходит неравномерно. На структуре современного языка лежит неизгладимая печать его прошлого развития.

Если мы, например, обратимся к грамматической структуре современного языка, то увидим, что она, можно сказать, вся пронизана особенностями, наличие которых возможно объяснить только путем их исторического изучения. Почему, например, в родительном и предложном падежах имен существительных мужского рода единственного числа наряду с окончаниями **-а**, **-е** имеется окончание

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 26.

-у (ср. «из большого дома» и «вышел из дому», «в этом доме» и «прием на дому»)? На этот вопрос (как и на очень многие другие подобные вопросы) нельзя ответить, если не знать, что много столетий тому назад имена существительные группировались в типы склонений иначе, чем в современном русском языке. В частности, окончания -а, -е (из ѣ) принадлежали к одному типу склонения, а окончание -у — к другому типу. Когда старый тип склонения, имевший в родительном и предложном (местном) падежах окончание -у, слился с типом склонения с окончаниями -а, -е (ѣ), указанные окончания сохранились, но стали употребляться только при определенных условиях (в зависимости от характера ударения, от оттенков в грамматических значениях и т. д.).

Можно сказать, что вся грамматическая и словарная структура современного языка, как и его звуковая сторона, соткана из органически спаянных, связанных друг с другом и в то же время противоречивых элементов различных исторических эпох, включая и современные новообразования.

Говоря о научном осмыслении современного языка, уместно напомнить слова В. И. Ленина, который учил, что важнейшим правилом научного подхода к каждому вопросу является: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь». ¹ Для того чтобы узнать, как возникли, какие главные этапы в своем развитии прошли и чем стали явления современного языка, нужно обратиться не только к прошлому языка, но и к особенностям родственных языков, их прошлому, поскольку родственные языки возникли из одного общего источника. Глубоко прав был Ф. Энгельс, когда писал, что «...,материя и форма родного языка» только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки». ²

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

² К. Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 327.

Историческое изучение языка имеет также большое культурно-познавательное значение. Тот, кто любит родной язык, не может оставаться безразличным к его историческим судьбам. Нужно всегда помнить, что в языке регистрируются и закрепляются успехи познавательной работы общества. Язык — неотъемлемая часть жизни народа, его истории. Знание важнейших сторон истории родного языка — один из показателей культуры всесторонне образованного человека.

Русский язык, как и любой из языков, явление историческое. Он возник как особый, самостоятельный язык с присущими ему оригинальными и глубоко самобытными чертами только на определенной ступени развития славянских народов. Термин «русский язык» понимается неодинаково, если он применяется к различным эпохам. Если мы говорим о языке восточнославянского населения древней Руси, то имеется в виду древнерусский язык того времени, когда не было еще современных восточнославянских народов: русских, украинцев и белорусов с их особыми языками. Применительно к XIV—XVII ст. этот термин означает язык великорусской народности, выделившейся из распавшейся древнерусской (восточнославянской) народности. В настоящее время русский язык — язык русской нации. Следовательно, отдельная, самостоятельная история современного русского языка начинается со времени образования великорусской народности. Украинский и белорусский языки, образовавшиеся из того же общего корня, что и русский язык, также начинают свою особую историю со времени сложения украинской и белорусской народностей.

Русский, украинский и белорусский языки являются языками близкородственными. Русские, украинцы и белорусы могут понимать друг друга, хотя, конечно, в их языках за столетия самостоятельного развития накопились различия в грамматике, словаре и нормах произношения. Общий источник этих близкородственных языков — древнерусский язык — также берет свое начало на определенной ступени истории славянских племен. В эпоху родового строя все славяне говорили на одном языке, подразделявшемся на племенные диалекты. Этот язык в науке называется общеславянским, или «языком-основой» древних славян. В определенных исторических условиях древние славяне постепенно разделились на группы племен, а с

обособлением этих групп начал дробиться их когда-то единый язык. Восточная часть славян образовала древнерусскую народность, творца и носителя древнерусского языка. Из древних южнославянских диалектов постепенно сложились современные южнославянские языки — болгарский, сербо-хорватский и словинский, из древних западнославянских диалектов — западнославянские языки: польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий языки.

Поскольку все славянские нации родственны по языку, то понятно, почему славяне в той или иной мере могут понимать речь друг друга. Однако это понимание уже сильно затруднено: с того времени, как распался общеславянский язык, прошло более тысячи лет, и восточнославянские, южнославянские и западнославянские языки, развиваясь самобытными путями в различных исторических условиях, значительно обособились.

Древний общеславянский язык не был изолирован: он имел родственные связи с рядом других древних языков, постепенно и сложными путями образовавшихся из одного древнейшего языка, который в науке называется общеиндоевропейским языком (или индоевропейским «языком-основой»).

Время распада древнейшего индоевропейского языка на отдельные языки точно не установлено. Полагают, что эпоха этого распада приходится приблизительно на 4—3 тысячелетия до н. э. Общность происхождения всех современных (и мертвых, известных по сохранившейся письменности) индоевропейских языков устанавливается только сравнительно-историческим методом лингвистических исследований. Носители современных индоевропейских языков в настоящее время понимают друг друга только при условии специального изучения того или иного языка. Например, немцу нужно изучить русский язык, чтобы понять речь русского. К индоевропейской семье языков относятся следующие языки: славянские, балтийские (литовский, латышский и исчезнувший древнепрусский), германские (немецкий, английский, шведский, датский и др.), романские (древний латинский, французский, итальянский, испанский, португальский, румынский и др.), кельтские (когда-то широко распространенные, но потом поглощенные другими языками; в настоящее время это ирландский, бретонский), албанский, греческий, индо-иранские (осетинский, курдский, персидский, таджикский, мно-

гие языки Индии и др.), армянский, вымершие языки Малой Азии (хеттский, лувийский и др.) и Средней Азии (тохарский).

Таким образом, русский язык входит в обширную семью индоевропейских языков. Связи его с этими языками, исторически обусловленные единством их происхождения, различны. По степени общности русского языка с другими языками эти связи делятся на три типа, соответствующие историческому ходу языкового развития: 1) непосредственная, близкородственная связь с восточнославянскими языками, 2) опосредствованное, но практически сохранившееся родство с южнославянскими и западнославянскими языками, 3) отдаленное родство со всеми другими индоевропейскими языками.

В процессе своего самостоятельного развития славянские языки вступали в сложные взаимоотношения друг с другом, переживая общие изменения, путем взаимовлияний обогащая свой грамматический строй и словарный состав. Их развитие шло не только по линии обособления, но и в разные эпохи по линии различного рода сложных схождения. Так, например, в XIX и особенно в XX вв. благотворное воздействие на славянские языки оказывал и оказывает великий русский язык.

Выше было сказано, что история обособившегося русского языка начинается вместе с образованием великорусской народности. Однако развитие русского языка, как и украинского и белорусского языков, неразрывно связано с древнерусским языком, поэтому историю русского языка можно разделить на три основных этапа, или периода: 1) древнерусский (восточнославянский) язык (примерно с VI—VII до XIV ст.), 2) язык русской (великорусской) народности (с XIV до XVII ст.), 3) русский национальный язык (с XVII ст. до настоящего времени).

Первые достоверные исторические известия о древних славянах начинаются с I в. н. э., т. е. около двух тысяч лет тому назад. Древние писатели (Плиний, Тацит, Птолемей), сообщая различные сведения о народах Европы, указывают среди них на большую группу племен под названием «венеды», «венеты». Сведения о границах венедских земель неясны и сбивчивы, но приблизительно местоположение венедов можно определить в области течения р. Вислы с притоками и в ее широкой периферии. На юге венеды достигали Северного Прикарпатья. Археологиче-

ские исследования показывают, что расположение венедов более или менее совпадает с так называемой лужицкой культурой и ее ответвлениями. Что под венедами римские писатели имели в виду именно славян, на это указывают поздние историки и лингвистические данные. Историк готтов Иордан (VI в.), также помещая венедов в область Вислы, называет их предками склавинов и антов, несомненных славян. Наименование «венеды» сохранялось в последующее время как название славян у немцев (Wenden, Winden) и у финнов (venäjä, диалектн. им. п. ед. ч. venät — русский). То же наименование «венет-» («вент-») сохранилось в названии одного из восточнославянских племен «вятичи» (из * «вентици»).¹

Что же касается антов, обширная территория которых находилась в среднем Поднепровье и Поднестровье, то история их знает, начиная с III в. н. э. Имя «ант» впервые встречается в греческих надписях из Керчи III в. Такие антские и склавинские собственные имена (дошедшие до нас в греческих и латинских написаниях), как Бож (Бос), Доброгаст, Всегорд, Исток и другие, имеют вполне славянский характер. А. А. Шахматов полагал, что в знаменитом памятнике древнерусской литературы «Слове о полку Игореве» сохранились следы славянского предания о войне Божа-Буса с готами (см. место в «Слове»: «Се бо готския красныя девы въспеша на брези синему морю, звонячи русским златом: поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю»), имевшей место около 375 г.

Исторические и археологические свидетельства указывают, что в первые века н. э. древние славянские племена занимали обширные пространства Восточной и Центральной Европы: на западе они достигали р. Одры (и переходили через нее), на юге занимали северные Карпаты, верхнее и среднее течение Днестра, на востоке их поселения были в бассейне среднего и верхнего Днепра, на севере граничили с побережьем Балтийского моря, балтийскими племенами; северные и северо-восточные славянские племена доходили до Чудского озера и озера Ильмень, верховьев Оки и Волги.

В I тысячелетии до н. э. и в первые века н. э. древние

¹ Очень возможно также, что названия «венет» и «ант» представляют собой варианты одного и того же корня, как полагает, например, известный советский языковед Д. В. Бубрих. Здесь и в дальнейшем * обозначает предполагаемую форму слова.

славяне жили в условиях родового общества. Как блестяще доказано Ф. Энгельсом, для языка племен эпохи родового общества была характерна дифференциация племенных диалектов. Нет никакого сомнения, что славяне первых веков н. э., занимавшие столь обширные территории, говорили на многочисленных, близких между собой племенных диалектах. Исходный общеславянский язык постепенно, но постоянно разветвлялся на все большее и большее количество племенных диалектов. Однако вряд ли деление общеславянского языка проходило по линии простого разветвления. Близкородственные диалекты оказывали значительное влияние друг на друга, происходили смешения этих диалектов, их перегруппировки. Перегруппировки племенных диалектов должны были особенно усилиться во время распада родовых отношений, для которого характерно образование союзов племен, обычно неустойчивых, сменяющих друг друга. Общая картина усложнялась еще и тем, что славянский язык, скрещиваясь с родственными и неродственными языками, в процессе этого скрещивания выходил победителем (особенно на восточно-европейской равнине) и, поглощая соседние языки, обогащался за их счет (прежде всего, в словарном составе).

Несмотря на длительный и сложный процесс диалектного дробления, древние славяне вполне понимали друг друга, т. е. продолжали говорить на одном языке. Сравнительно-историческое исследование славянских языков устанавливает, что общеславянский язык первых веков нашей эры имел единый грамматический строй и основной словарный фонд (с диалектными различиями), переживал общие изменения, определяющие его структуру. Даже позже, когда из общеславянского языка развились отдельные самостоятельные языки, эти языки были еще очень близки друг другу. Выводы сравнительно-исторических исследований подтверждаются свидетельствами древних историков (начиная с VI в.), которые сообщают, что славяне говорят на одном языке.

В середине I тысячелетия н. э. в общественном строе славянских племен происходят значительные изменения. Родовые отношения оказываются уже сильно расшатанными, начинают рушиться. Возникает заметное имущественное неравенство, нарождаются классовые противоречия, а вместе с этим появляются и зачатки государственности. Например, в VI ст. в предгорьях Карпат образуется

племенной союз славян-дулебов, в котором некоторые советские историки (акад. Б. Д. Греков) усматривают одно из первых государственных образований. Дулебский племенной союз в VII в. распался под ударами аварских кочевых орд.

На рубеже V и VI вв. славянские племена, вступившие в период «военной демократии», продвинувшись с севера к Дунаю, начинают ожесточенную и успешную борьбу с рабовладельческой Византийской империей. Многочисленные анты и склавины в течение VI и VII ст. завоевывают и колонизируют Балканский полуостров и становятся на этом полуострове господствующим этническим слоем населения. Славяне подчинили себе и поглотили старое фракийское и иллирийское население, утратившее свои языки, и проникли вплоть до южной Греции. Говоря о населении Балканского полуострова, византийский император Константин Багрянородный (905—959 гг.) писал, что «вся провинция ославянилась и сделалась варварской». В VII и VIII вв. значительные группы славян переселяются даже в Малую Азию.

Описанные выше события явились переломным моментом в истории древнего славянского этнического единства. Славянские племена расселились на территории, крайние пункты которой были удалены друг от друга на тысячи километров, что, естественно, должно было серьезно ослабить связи между различными частями славянского населения. Этническое разделение славянства на отдельные и самостоятельные группы вызывалось различными условиями жизни, в которые попадали отдельные части славян, включая сюда и разнообразное этническое окружение (соседство славян с неодинаковыми неславянскими племенами и народностями, частичное поглощение ими этих племен и народностей: на Балканах — фракийцы, иллирийцы, греки, албанцы и др., на севере и востоке — балтийцы, финноугры и т. д.).

В этой сложной исторической обстановке древний общеславянский язык, уже в более раннее время делившийся на многочисленные племенные диалекты, постепенно распадается и перестает существовать, давая начало новым самостоятельным языкам. Из балканской группировки склавинских и антских племен с их племенными диалектами вырастают южнославянские народности с их языками, из западной части славянского мира

оформляются западнославянские народности и их языки. Самая многочисленная группа славян, занимавшая обширные области Восточной Европы, обособившись от других частей славянства, кладет начало древнерусской (восточнославянской) народности, создателю и носителю древнерусского языка.

Таким образом, история древнерусского (восточнославянского) языка, непосредственного предка русского, украинского и белорусского языков, начинается приблизительно с VI—VII ст. н. э. Древнерусский язык, как и другие славянские языки, унаследовал от общеславянского языка свой грамматический строй и основной словарный фонд, что во всем существенном определило его самобытное развитие. После возникновения на базе общеславянского языка самостоятельных языков вся славянская языковая область во многом переживала общие или сходные процессы изменений (в фонетике, в перестройке типов склонения и спряжения, в развитии синтаксиса, в словообразовании и т. д.). Вместе с тем в каждом языке развиваются и углубляются особенности, все более отличающие славянские языки друг от друга. На протяжении времени с VI—VII по IX—X ст. в древнерусском языке возникает ряд особенностей, характерных только для этого языка. Одной из наиболее ярких особенностей древнерусского языка является первое полногласие. Сущность его заключается в том, что общеславянские сочетания звуков согласный плюс гласный *о* или *е* плюс *р* или *л* плюс согласный (эти сочетания изображаются в виде формул **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, в которых буквой *t* условно обозначается любой входивший в эти сочетания согласный) изменяются в древнерусском языке в полногласные сочетания *torot*, *tolot*, *teret* и *telet* (последнее изменяется в *tolot*). В отличие от древнерусского языка, и в других славянских языках в указанных общеславянских сочетаниях происходит перестановка плавных согласных *р* и *л* с гласными *о* и *е*. Ср., например, древнерусск. «горохъ» — старославянск. (древнеболг.) «грахъ», польск. «grosz»; соответственно «порохъ» — «прахъ» — «grosz»; «борода» — «брлада» — «broda», «голова» — «глава», — «głowa», «берегъ» — «брѣгъ» — «brzeg», «молоко» — «млѣко» — «mleko» и т. п. Развитие полногласия, как живой фонетической закономерности, продолжалось еще в VIII—IX ст., о чем свидетельствуют изменения в звуковом облике слов,

заимствованных в славянские языки из других языков. Собственное имя императора Германии Карла Великого (771—814 гг.) стало у всех славян нарицательным, получив значение «король». Сочетание в этом слове гласного и плавного согласного **p** между согласными в древнерусском языке изменилось в **оро** («король»), тогда как в западных и южнославянских языках произошла свойственная этим языкам перестановка плавного согласного с гласным (ср. болг. «краль», польск. «król» и т. д.). Греч. *μαρμαρος* (мрамор) изменилось в древнеболг. в «мраморъ», в древнерусск. «мороморъ», тоже греч. *σχορπίος* — древнеболг. «скрапии», древнерусск. «скоропии» (скорпион). Ср. еще финск. (суоми) *salmi* — в древненовгородском диалекте «соломя» (узкий пролив) и др. Между прочим, в некоторые неславянские языки попали славянские слова в своем древнем фонетическом облике, до развития полногласия в древнерусском языке и перестановки плавных согласных **p** и **л** с гласными звуками в западных и южнославянских языках. Ср. в финском (суоми) языке «*karsta*» из общеслав. **korsta* (древнерусск. «короста», сербск. «кроста»), «*palttina*» из **polъno* (древнерус. «полотъно», болг. «платно», польск. «płótno»), «*vaгри*» из «*vorobъjъ*» (древнерусск. «воробии», болг. «врабец», польск. «wróbel» — воробей) и др. Древние предки финнов могли заимствовать эти слова только у северо-восточных славянских племен, а это подтверждает мнение современных археологов о том, что славяне появились в районе озера Ильмень не в VIII—IX вв. (как думали прежде), а на несколько столетий раньше, когда еще полногласия не существовало.

Изменения указанных сочетаний звуков в древних славянских языках было связано с действием фонетической тенденции к устранению закрытых слогов в слове и превращению их в слоги открытые. Эта же общеславянская закономерность привела к перестановке общеславянских звуков «ор», «ол» в абсолютном начале слова. При наличии особого качества интонации слога (при нисходящей интонации) начальные «ор», «ол» в древнерусском (и древнепольском) языке изменились в «ро», «ло», а в южнославянских языках и части западнославянских в «ра», «ла». Ср. древнерусск. «робъ» (раб), «роба» (рабыня), «робота», «роботати», «ровъный», многочисленную группу слов с приставкой **роз** — («розумъ», «розути» и т. п.), «ростъ», «рости», «рощение» (растение), «лодыя», «локъть» и др.,

в старослав. (древнеболг.) соответственно будет «рабъ», «раба», «работа», «работати», «равньни», раз-, «расть», «расти», «ладии», «лакътъ» и т. д.

В древнерусском языке развиваются также такие фонетические особенности, как изменение сочетания *je* в начале слова в *o* (вероятно, прежде всего перед передними гласными последующего слога; ср. древнерусск. «озеро», «олень», «осень», «осетръ», «одинъ» и др. — старослав. «езеро», «елень», «есень», «есетръ» «единъ» и т. д.), переход начального *ju* в *y* (древнерусск. «угъ», «унъ», «уноша», «уха» и др. — старослав. «югъ», «юнъ», «юноша» и т. д.).

В древнерусском языке развиваются отличительные особенности и в области согласных звуков.

Зубные согласные *т*, *д*, а также сочетания *гт*, *кт* перед *ј* смягчились и в разных славянских языках изменили свое качество: в древнерусском языке они изменились в шипящие согласные *ч* и *ж*, в южнославянских языках в *шт* и *жд*, в западнославянских языках в свистящие *ц* и *дз* (*з*): общеславянское **světja* (основа слова свѣт-) изменилось в древнерусском в «свѣча», в старославянском в «свѣшта», в польском в «*swięca*»; общеславянское **media* (ср. латинск. *medius*, готск. *midjis* — средний) изменилось соответственно в «межа», «межда», «*miedz*a» и т. д. Своеобразные и сложные изменения происходили также в результате смягчения перед *ј* в общеславянских сочетаниях *п*, *б*, *в*, *м* (не в начале слова), *ск*, *ст*, *зг*, *зд* и перед гласными *ѣ* и *и* в сочетаниях *кв*, *гв*.

Как уже было сказано выше, распад общеславянского языка на самостоятельные языки происходил не по прямой линии разветвления, а сложным путем, поэтому не следует думать, что уже в самом начале процесса этого распада четко выявились три современные славянские этнические группы: восточнославянская, южнославянская и западнославянская. Такое мнение противоречит историческому ходу развития древнего славянства и не согласуется с фактами языка. История свидетельствует о том, что в первых веках н. э., в VI—VII ст. происходили значительные передвижения славянских племен, имели место изменяющиеся хозяйственные и культурные связи одних частей славянства с другими. Изменения жизни отдельных частей славянства в конечном счете не могли не сказаться на развитии языка. В частности, обнаруживается, что четкие ли-

нии образования особенностей восточнославянских, южнославянских и западнославянских диалектов в ряде случаев перебиваются своеобразными «аномалиями», теряют свою отчетливость и прямолинейность. Древнерусский язык по своим особенностям иногда совпадает с древними южнославянскими языками и расходится с западнославянскими языками, иногда же наблюдается обратная картина, что прежде всего заметно в словарном составе. Более того, отдельные диалекты древнерусского языка, расходясь с другими диалектами, по некоторым своим чертам сближаются с диалектами других славянских языковых групп. Нужно при этом иметь в виду, что отношения между близкородственными диалектами и языками, как устанавливает современная диалектология, являются иными, чем отношения между неродственными и родственными, но уже далеко разошедшимися языками. В первом случае возможны значительные взаимовлияния и смешения, во втором случае только поглощение одним языком другого языка в процессе скрещивания (если один из скрещивающихся языков оказывается слабейшим). Все древние славянские диалекты были в близком родстве друг с другом, поэтому-то в эпоху распада общеславянского языка существовали широкие возможности для взаимовлияний и смешений, для различных перегруппировок диалектов.

Так, в общеславянском языке в середине определенной группы слов имелись сочетания согласных тл, дл. В процессе образования древнерусского языка и южнославянских языков эти сочетания упростились в л, тогда как в западнославянской языковой области они сохранились. Сравним древнерусск. «гърло» (горло), старослав. «гръло» — польск. «gąrdło», чешск. «hrdlo»; древнерусск. и старослав. «сало» — польск. «sadło», чешск. «sádlo»; древнерусск. и старослав. «мыло» — польск. «mydło», чешск. «mýdlo»; древнерусск. «ель», старослав. «ела», «ель» — польск. «jodła», чешск. «jedle»; древнерусск. и старослав. «молити» — польск. «modlic», чешск. «modliti»; древнерусск. и старослав. «плелъ» — польск. «plótt», чешск. «pletl»; русск. «помело» — чешск. «pometlo» и т. д. Исследователь сочетаний тл, дл в славянских языках Л. Тэньер отмечает, что хотя слова с тл, дл в основном распространены на территории западнославянских языков, однако некоторые из них заходят в область других языков, напр., в словинский (южнославянский) язык. В древнем псковском диалекте

русского языка и в современных псковских говорах, отчасти и в говорах, соседних с ними, тл, дл остаточно сохранились в измененном виде (гл, кл): «привегли» (привели), «блюглися» (блюлись — остерегались), «сочклись» (сочлись) и т. д. Изредка современные наблюдатели в псковских говорах отмечают и тл, дл («плетли», «ведли»). Сходное явление имеется и в некоторых закарпатских говорах украинского языка, в которых от глаголов типа «вести», «мести», «плести» форма прошедшего времени оканчивается на г: «вюг», «млюг», «плюг» (вёл, мёл, плёл). Более правы были А. И. Соболевский и Л. Л. Васильев, считая особенность псковского диалекта местным остатком глубокой старины, нежели А. А. Шахматов, выдвинувший необоснованную гипотезу о воздействии на северно-русские диалекты диалектов якобы польских племен радимичей и дреговичей (на самом же деле эти племена восточнославянские).

Общим для восточных и южных славян оказалось смягчение сочетаний (перед **ѣ** и **и**) **кв**, **гв** в **цв**, **зв**, тогда как в западнославянских языках такого смягчения не произошло: древнерусск. и старослав. «цвѣтъ» — польск. «kwiat», чешск. «květ»; древнерусск. и старослав. «звѣзда» — польск. «gwiazda», чешск. «hvězda» и т. д. Однако в диалектах восточнославянских языков те же слова сохраняются и с неизменными **кв**, **гв**: укр. «квіт», белор. «квет», псковско-калининск. «кветы кветут», тульск. «кветка» (цветок), во многих говорах «квелить» (дразнить, плакать и т. п.), бежецк. «огвездить» (сильно ударить) и т. д.

Если при сложении и развитии из общеславянского языка отдельных славянских языков заметно изменялся фонетический строй, то грамматические формы долгое время оставались более устойчивыми. Как не без основания считают, грамматические формы древнейших памятников старославянского (древнеболгарского) языка (X—XI ст.) почти ничем не отличаются от грамматических форм общеславянского языка. И в древнерусском языке грамматические формы оказались также очень устойчивыми. Можно привести очень немного отличий древнерусского языка от старославянского в этой области. Ср., напр., окончание родительного падежа единственного числа имен существительных женского рода склонения на **-а** — мягкой разновидности: древнерусск. «земль» (— земля) — ста-

рослав. «земля». Конечно, со времени распада общеславянского языка грамматический строй отдельных славянских языков также изменялся и совершенствовался, но эти изменения касались, главным образом, отмирания старых грамматических значений и рождения новых, большей или меньшей употребительности тех или иных форм и т. д. Процесс развития этой стороны грамматического строя в каждом славянском языке происходил своеобразно, однако в сравнительном плане он пока остается почти не изученным.

Серьезные изменения происходили в словарном составе древнерусского языка (как и других славянских языков). Словарный состав древнего общеславянского языка точно не может быть учтен, но во всяком случае несомненно, что он был значительно беднее словарного состава древнерусского языка.

Польский языковед Лер-Сплавинский подсчитал (правда, только на основании материалов этимологических словарей), что польский язык унаследовал от общеславянского языка около 1700 слов. По моим подсчетам (весьма приблизительным, опирающимся также на этимологические словари), в русском языке сохранилось около двух тысяч древних общеславянских слов. Между тем, в древнерусском языке имелись уже десятки тысяч слов. Это и понятно: большие перемены в хозяйственной, культурной, военной и т. д. деятельности древнерусского общества с VI—VII ст. по XIII—XIV вв. не могли не обогатить в очень значительной степени словарный состав древнерусского языка.

Основная масса новых слов создавалась средствами словообразования от исходных общеславянских слов, а также путем переосмысления старых слов. Известную роль в обогащении словаря играло также заимствование из других языков. То же происходило и в западных и южных славянских языках. Важно отметить, что в этот период в славянских языках постепенно нарастают словарные своеобразия, отличающие их друг от друга. В смысловом отношении словарные особенности древнерусского языка относятся к самым различным группам понятий, материальных и отвлеченных. Некоторые из них являются заимствованиями, другие этимологически неясны. Приведем типичные примеры: «бъла» («бълька»), «вира» (пена за убийство), «волоть», «велеть» (великан), «глекъ» (со-

суд), «девяносто», «дешевый», «деревня», «желвь» (железа, опухоль), «исадъ» (пристань, селение у пристани), «ковъръ» (ковер), «колобъ» (круглый хлеб), «котора» (ссора, спор), «кнѣсъ» (перекладина, балка под крышей), «кыкати» (куковать, кричать), «воропъ» (нападение); «купало», «купалья» (языческий праздник, с распространением христианства приуроченный к Иванову дню), «обрътъ» (узда), «погость» (становище, населенный пункт, административный центр княжеской власти в сельских местностях, через который производилось «освоение земель» князьями), «лишь», «палорзи» (наплечники, верхняя часть брони), «почька» (почка), «окорокъ», «прорѣха», «кърчага» (большой глиняный горшок), «скатерть», «сапогъ», «сорокъ», «сизый», «чуть» и т. д.

Перечисленные слова существовали в древнерусском языке еще до распространения на Руси письменности. Во многих случаях древнерусский язык отличался от южнославянских и западнославянских языков не самими словами, а своеобразными значениями слов. Ср., напр., древнерусск. «сѣно» (высушенная трава; в южнославянских языках это слово означает траву вообще), «пиво» (хмельной напиток; южнославянское — любой напиток, питье) и т. д. Нужно также указать, что древнерусский язык нередко совпадал в своем словарном составе только с какой-либо одной славянской языковой группой, расходясь с другой. Так, например, древнерусское слово «соловии» (соловей) имелось также в старославянском языке («славии»), употребляется в современных болгарских диалектах («славей»), но отсутствует в других славянских языках (в современных и старописьменных). Слово «галица», «галка» есть в южнославянских языках, но его нет в западнославянских; наоборот, «болонь», «болонье» (болото, низменная местность и т. п.) объединяет древнерусский язык с западнославянскими языками и разъединяет от южнославянских и т. п. Такого рода словарные схождения и расхождения могут быть объяснены двояким путем: 1) слово до распространения письменности было во всех славянских языках, но затем в одном из них или нескольких языках было утрачено, 2) слово вошло в словарный состав не всех славянских языков. Практически, вероятно, имело место и то и другое, причем второй путь истории слова представляет для нас особый интерес.

Итак, к X—XI ст. древнерусский язык, после нескольких столетий своего самобытного развития, начал во многом отличаться от южнославянских и западнославянских языков, хотя еще продолжал оставаться довольно близким к ним. Первоначальное единство этого языка целиком обуславливалось его происхождением: выделением из распадавшегося общеславянского языка. Однако, вероятно, уже рано на развитие древнерусского языка начали воздействовать и другие факторы. Как было уже отмечено выше, в VI—VII вв. на Волыни существовало первичное государственное объединение дулебов, которым, по словам арабского географа середины X в. Масуди (использовавшего более ранние источники), подчинялись и некоторые другие племена. Можно полагать, что в сообщениях арабских писателей (Аль-Балхи, Аль-Истархи и Ибн-Хаукаля), передающих в разных редакциях один и тот же рассказ о трех центрах древней Руси — Куявии, Славии и Артании, — также описываются государственные образования восточных славян. Автор «Начальной летописи» рассказывает об особых «княжениях» у полян, древлян, дреговичей, словен и полочан, которые, вероятно, представляли собой примитивные организации государственного характера. Иными словами, в VI—IX ст. у восточных славян происходил распад родового строя и замена его новыми феодальными отношениями.

Распад родового строя и возникновение феодализма влекли за собой разложение и отмирание племен и возникновение вместо племенных связей территориальных объединений. Процесс этот происходил неравномерно. Во вводной части «Повести временных лет» сообщается о двенадцати восточнославянских племенах: словенах, кривичах, вятичах, радимичах, северянах, дреговичах, древлянах, полянах, дулебах (волынских), хорватах, тиверцах и уличах. На юге восточнославянских земель, где общественное развитие опережало другие территории, распад и исчезновение племенных объединений происходили раньше. Имена южных племен сходят со страниц древнерусской летописи очень рано. Дольше всех держатся окраинные вятичи. Некоторых племен русский летописец не знает — ко времени составления летописей память о них уже не сохранилась. Например, Константин Багрянородный в своей книге «Об управлении государством» упоминает вервианов, лензанинов и лензенинов, неизвест-

ных по летописи. Очень характерно, что в «Повести временных лет» племена ставятся на одну доску с чисто территориальными объединениями, смешиваются с ними, напр., полочане (территориальное объединение, названное по реке Полоте) приравниваются к действительно существовавшим племенам. Родо-племенные термины в языке летописца уже потеряли свою смысловую определенность: слово «племя» означало семью, родню, потомство и т. д., «род» означал не только большую родовую семью, но и народ и т. п. Все это свидетельствует о том, что летописец в сущности изображает этническую картину, относящуюся к временам давно прошедшим.

Образование государственных объединений, замена племенных связей территориальными разрушало племенную обособленность. Вместо неустойчивых союзов племен и племенных группировок постепенно складывается и крепнет одна древнерусская народность с единым языком. Языковая близость всего восточнославянского населения, унаследованная от общеславянского языка, подкрепляется и «утверждается» языком древнерусской народности, диалекты которой стали по отношению к общенародному языку в подчиненное положение. Иными словами, новый (древнерусский) общенародный язык, исторически сменивший собой отошедший в прошлое общеславянский язык, становится ведущей, активной силой языкового развития. Если бы этот общенародный язык не сложился, многочисленные восточнославянские диалекты за столетия своего существования, не имея объединяющего начала, успели бы значительно обособиться. Следует предположить, что в процессе образования и развития древнерусской народности вместе с разрушением племенной обособленности происходило устранение (конечно, неполное) диалектных различий, смешение диалектных особенностей.

Как уже говорилось выше, образование древнерусской народности и древнерусского языка началось примерно с VI—VII ст. К IX—X ст. этот процесс в общем можно считать законченным. Новая народность закрепляет за собой и общее для всех восточных славян наименование — Русь. О происхождении термина «Русь» было высказано не мало гипотез, но вопрос до сих пор так и остается нерешенным. Более или менее ясно только одно: название «Русь» вначале означало какую-то группу населения, местоположение которой находилось в районе Среднего Поднепровья

и, может быть, к юго-востоку от него. Следы того, что «Русью» назывались не все восточнославянские земли, имеются в древнерусских письменных источниках, прежде всего, в летописи. Собственно Русью называлась Киевская область. Термин «Русь» лишь постепенно становится общим названием всей древнерусской земли.

В IX—X ст. в жизни древнерусского населения происходит событие большой исторической важности: прежние местные государственные объединения заменяются одним древнерусским государством с главным центром в Киеве — «матери городом русским». IX и X века — время значительного роста производительных сил на Руси, развития феодальных отношений, строительства и роста многочисленных городов, распространения письменности, общего подъема культуры и т. д. Древнерусское государство становится одним из крупнейших государств того времени. «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка». ¹

С IX—X ст. в древнерусском языке происходят следующие важнейшие изменения: 1) происходят изменения в звуковом составе и совершенствуется грамматическая структура языка и особенно обогащается его словарный состав (хозяйственная, общественно-политическая, административная, торговая, военная и др. лексика, формируются начала научной терминологии, серьезно расширяется круг слов, обозначающих различного рода отвлеченные понятия, и т. п.), 2) возникает и развивается письменный литературный язык и 3) старые племенные диалекты окончательно сходят на нет, а на их основе возникают и развиваются территориальные диалекты, границы которых, как правило, не совпадают с прежними границами племенных диалектов.

Древнерусский литературный язык имел свои характерные особенности, во многом отличающие его от современного русского литературного языка, как и украинского и белорусского литературных языков. Прежде всего нужно

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26—27.

указать на такое обстоятельство, как наличие в древней Руси не одного, а двух литературных языков. Достоверные данные о возникновении письменности у славян свидетельствуют о том, что около 862—863 гг. князь Моравии Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать ему учителей, которые могли бы перевести на родной для моравов язык богослужебные книги и устроить на этом языке богослужение. Просьба Ростислава была вызвана необходимостью оградить моравское государство от засилья немецкого духовенства, проповедовавшего христианство на чуждом для моравов латинском языке и, главное, проводившего захватническую политику немецких феодалов. В Моравию отправились два брата — Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий, уроженцы г. Солунь (ныне Салоники в северо-восточной Греции), хорошо владевшие македонским диалектом древнеболгарского языка. Мефодий и особенно Константин были высокообразованными людьми своего времени. Ими был создан, вероятно, с учетом зачатков славянской письменности, алфавит и переведены с греческого языка на древнеболгарский язык первые богослужебные книги. Так возник письменный язык, исторической базой которого явился македонский (солунский) диалект древнеболгарского языка. Этот язык в науке имеет однозначные названия: старославянский, древнеболгарский, древнецерковнославянский (чаще употребляется первое название). Новый письменный язык имел огромный успех, в короткое время распространившись почти во всех славянских землях. Такой успех старославянского языка объясняется, во-первых, назревшей потребностью у славян в письменности, во-вторых, большой его близостью ко всем родственным славянским языкам. Старославянский язык в IX—X ст. был понятен для всех славянских народностей.

Старославянский язык получает распространение и в древней Руси, чему, несомненно, способствовало распространение христианской религии (особенно с конца X в.). При Владимире I и особенно Ярославе Мудром устраиваются школы для обучения старославянской письменности. На старославянском языке стали вести богослужение. Подавляющая часть дошедших до нас от древней Руси письменных памятников (XI—XIV вв.) написана на этом языке (евангелия, псалтыри, жития, поучения и т. п.),

среди них древнейший из датированных документов славянской письменности — знаменитое Остромирово евангелие (1056—1057 гг.), хранящееся в Публичной библиотеке в Ленинграде. Старославянский язык был и языком тогдашней учености.

Постепенно в этот язык проникают особенности древнерусского языка, но древнеболгарская основа его сохраняется, в связи с чем старославянский язык с веками становится менее понятным для русского населения.¹

Наряду со старославянским языком в древней Руси возникает и развивается самобытный древнерусский литературный язык, основой которого был язык общенародный. Буквы для письменности на этом языке были использованы «кирилловские», старославянские. Вполне возможно, что в древней Руси были зачатки своего оригинального алфавита задолго до распространения старославянской письменности, однако каких-либо прямых доказательств этому пока что нет. Древнейшая надпись на глиняном сосуде, найденном во время недавних археологических раскопок близ Смоленска (надпись состоит из одного еще не совсем разъясненного слова «горушна» или «горушца», что, может быть, означает: горчичная), относится приблизительно к первой половине X в. Эта надпись составлена из «кирилловских» букв. На древнерусском (не на старославянском) языке написаны древнейший русский свод законов «Русская правда», дошедшие до нас грамоты, «Слово о полку Игореве», основная часть сочинений Владимира Мономаха, большая и важнейшая часть древнерусской летописи и некоторые другие произведения.

Не следует думать, что древнерусский и церковнославянский литературные языки употреблялись независимо друг от друга. Такое их механическое сосуществование было попросту невозможно, поскольку оба языка были близкородственными и поскольку писавшие на древнерусском языке обычно владели и церковнославянским языком. Сам характер языка древнерусских письменных памятников с достаточной ясностью свидетельствует о глубоких взаимосвязях между обоими литературными языками. Если в языке деловых документов было в общем мало церковнославянизмов, то в языке повествовательной литера-

¹ Старославянский язык, подвергшийся воздействию древнерусского языка, принято называть церковнославянским языком.

туры (литературы в собственном смысле этого слова) картина была иной. Древнерусские писатели широко использовали элементы церковнославянского языка. Нередко церковнославянизмы вкрапливались в древнерусский язык без видимой мотивировки, так как каких-либо узаконенных норм в этом отношении не существовало. У одного и того же автора даже на одной и той же строчке можно встретить написания вроде «ночь» (древнерусск.) и «ношь» (церковнослав.), «городъ» (древнерусск.) и «градъ» (церковнослав.) и т. п. Но не это немотивированное смешение древнерусских и церковнославянских форм и слов определяло главную линию взаимоотношения обоих литературных языков. Церковнославянизмы заметно обогащают древнерусский литературный язык, прежде всего пополняя его словарный состав, средства словообразования, смысловую структуру значительных пластов лексики. Особенно наглядно обогащение древнерусского литературного языка представлено в своеобразном использовании слов с полногласными и неполногласными огласовками (напомним, что для древнерусского языка было свойственно полногласие, а для старославянского неполногласие, о чем см. выше). Сочетание в древнерусском литературном языке полногласных и неполногласных форм, во-первых, давало широкие возможности стилистически разнообразить речь (ср., напр., в «Повести временных лет» в высоком стиле: «нача ставити по *градомъ* церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣм *градомъ* и селомъ» и в разговорном изложении: «и рече Давидъ Святополку: видиши ли не помнѣть тебе ходя в твоею руку, аще ти отидеть в свою волость, да узришь, аще ти не займетъ *городовъ* твоих»); во-вторых, что еще более важно, приводило к образованию новых значений слов, созданию новых слов. Например, использование неполногласной формы слова «страна» наряду с древнерусским «сторона» с их производными уже в ранних письменных памятниках привело к преимущественному закреплению за формой «страна» более общего понятия страны («северные страны», «западные страны» и т. п.), тогда как за словом «сторона» закрепляется более конкретное пространственное понятие. От неполногласной формы образуются «страньнии» (чужой, иностранный, ср. соврем. «странный»), «страньникъ» (чужеземец, путешественник)

и ряд других слов. Такие слова, как «область» (из *«об-власть»), в полногласной огласовке вообще неизвестны. В древнерусском литературном языке появляются многие десятки слов, в которые составной частью входит неполногласная форма «благо-»: «благовоние», «благолъпие» и т. д., и т. п. В общем, в древнерусский литературный язык вливаются многие и многие сотни церковнославянизмов.

Насколько были употребительны церковнославянизмы в языке древнерусских оригинальных произведений, видно хотя бы по сочинениям Владимира Мономаха: в оригинальной части его сочинений на 35 случаев употребления полногласных форм приходится 27 неполногласных. Сочетание полногласных и неполногласных огласовок явилось широко использованным своеобразным средством обогащения словарного состава литературного языка, его смысловой и стилистической системы.

Под прямым воздействием церковнославянского языка в древнерусском литературном языке получает значительно более широкое распространение образование слов путем словосложения, использования суффиксов отвлеченности *-ость*, *-ство*, *-ие*, *-ние*, *-изна*, происходит внедрение в словарную структуру многих других групп лексики.

Мы уже говорили, что с образованием и развитием древнерусской народности племенные диалекты постепенно сходят на нет и на их основе развиваются диалекты местные (территориальные). Различные местные диалекты в рамках древнерусского языка, видимо, играли неодинаковую роль. Можно полагать, что киевский диалект занимал более видное место среди других диалектов и во многом определял собой нормы древнерусского языка, на что в свое время указывал А. А. Шахматов. Характерно, что дошедшие до нас памятники древнекиевской письменности, в отличие от памятников других областей (напр., волинско-галицких, новгородских и др.), в своем языке почти не имеют особенностей, которые можно было бы определить как диалектизмы. Нормы киевского диалекта во всем совпадали с устоявшимися нормами древнерусского литературного языка, тогда как в языке письменности других областей, особенно в XII—XIII ст., дает себя знать местная диалектная окраска. Киевский диалект, оказывая выравнивающее воздействие на другие диалекты, в ряде случаев совмещал в себе особенности этих диалектов. Ти-

пичным примером этому могут служить однозначные слова «парусы» и «пъръ» (паруса). Слово «парусы» (заимствованное из греч. *φάρος* — покрывало, плащ, парус) исстари бытовало на юге Руси, тогда как «пъръ» (финск. *ripjä*) употреблялось на севере, в новгородской земле. Однако уже рано, насколько мы можем судить по тексту договора Олега с греками 911 г., оба слова сосуществовали в киевском диалекте (ср. в Академическом, Радзивилловском и других списках летописи: «пойдучи Русь за ся, да емлют у царя вашего брашно и якори, и ужа, и **парусы**»; этот же текст в Ипатьевском, Троицком и других списках имеет вместо «парусы» слово «пъръ»). Киевское (южное) слово «вѣверица» (белка, шкурка белки, денежная единица) противостояло однозначному северному (новгородскому) слову «вѣкша», «вѣкшица». Между тем, южное «вѣверица» получает также распространение в языке некоторых севернорусских памятников и, наоборот, северное «вѣкша», «вѣкшица» попадает в южные диалекты. Например, в статье под 859 г. (несомненно киевского происхождения) «Повести временных лет», судя по спискам, восходящим к ранней редакции «Повести», употребляются в одном и том же тексте оба слова (в одних списках читаем «по бѣлѣи вѣверицѣ», в других «по бѣлѣи вѣкшицѣ»).

Таким образом, можно полагать, что в рамках единого древнерусского языка происходило смешение диалектов и их выравнивание, перемальвание под воздействием киевского диалекта. Однако в силу исторических обстоятельств этот процесс не мог получить своего завершения. Более того, с известного времени местные диалекты начинают оживать и усиливаться. Дело в том, что с развитием феодальных отношений начинало происходить все большее и большее обособление отдельных местных земель, которое влекло за собой серьезное ослабление экономических и политических связей между областями, а следовательно и ослабление общения между населением разных местностей. Феодальное дробление приводит к тому, что с конца XI в. древнерусское государство начинает заметно ослабевать и распадаться. Роль Киева как экономического, политического и культурного центра всей древней Руси постепенно уменьшается и затем почти сходит на нет. Феодальная разобщенность древнерусских земель, бесконечные междоусобные княжеские войны были главной причиной завоевательских успехов монголо-татарских орд,

нахлынувших в 1237—1240 гг. на Русь. «Социально-экономическое развитие Руси в период феодализма, в тяжелое время татаро-монгольского нашествия привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности». ¹ Пользуясь ослаблением древней Руси, польско-литовские феодалы захватывают южные и западные русские земли.

В результате всех этих исторических событий развиваются местные диалекты, которые накладывают заметный отпечаток на язык древнерусской письменности XIII—XIV ст. Особенности местных диалектов более или менее свободно употребляются в литературном языке наряду с общерусскими нормами. Например, в богато представленной древней новгородской письменности свободно совмещается различие звуков *ц* и *ч* с неразличением этих согласных (последнее было характерно для новгородского диалекта). Это явление ярко представлено в большом количестве новгородских памятников, в частности, в недавно открытых во время археологических раскопок в Новгороде документах, написанных на бересте. Так, в письме Микиты (первая половина XIV в.) читаем: «От Миките ко черту» (к Черту), «цто» (что); в письме о Коромане (XII—XIII в.) «сорок лисичь» (сорок лисиц) и т. д. ² Не только в частных письмах, но и в литературных произведениях «высокого» стиля один и тот же автор мог написать «купець» и «купечь», «чистый» и «цистый», не считая такой разницей погрешностью против правил орфографии. Важно отметить, что строго установленных грамматических, фонетических и орфографических правил в нашем современном их понимании не было, чем язык древнерусской письменности (так же как письменности более поздних времен, вплоть до XVIII—XIX ст.), так сказать, в принципе отличается от строго нормализованного современного литературного языка.

Диалектное дробление коснулось не только звуковой стороны языка, но также и его грамматического строя и словарного состава (в том числе основного словарного фонда). Например, в процессе перестройки старых типов склонения имен существительных окончание дательного падежа единственного числа древнего типа склонения на

¹ «Правда», 12 января 1954 г.

² А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 31, 36.

-ъ- (-ѣ-) -ови, -еви употреблялось в различных диалектах неодинаково. Чаще всего оно употреблялось в памятниках юго-западной и западной письменности, что уже заметно в Волынско-Галицкой летописи XIII в. Впоследствии это окончание получило широкое распространение в украинских и южнобелорусских говорах (ср. укр. «батькові», «хлопцеві», «ковалеві» и т. п. — батьку, хлопцу, ковалю, т. е. кузнецу), тогда как на территории распространения русского языка -ови, -еви неупотребительно. В новгородском диалекте, лучше всего известном науке, обнаруживаются характерные для него диалектные слова разного происхождения (древние и новообразованные, также заимствованные): «вячьший» (первоначально, по всей видимости, представитель родо-племенной знати, старший по возрасту, позже представитель феодальной знати; это слово, известное во всех древних славянских языках в значении большой, старший, в социальном смысле встречается только в письменных произведениях новгородского происхождения), «вършь» (посевы, хлеб), «обилье» (урожай на корню), «дрябь», «дребь» (трусоба), «пърть» (баня), «ръль» (заливной луг), «окошное» (преисподняя), «тировати» (пребывать, проживать), «обьль» (в полное рабство), «перевѣтъ» (измена), «перевѣтникъ» (изменник), «соломя» (узкий пролив), «възводъ», «възводье» (подъем воды на Волхове), «буса», «пабуса» (род судна), «щъгла» (мачта), «лойва» (род судна), «лоцман» (лоцман), «олоньсь» (в прошлом году) и т. д. Для псковского диалекта были характерны местные термины, обозначающие строительство военных укреплений: «кромъ» (крепость, кремль), «костерь» (башня), «кутъ» (угол крепости), «прясло» (часть крепостной стены), «звукъ» (щебень, строительный мусор) и др. Прослеживаются словарные диалектизмы и в других древнерусских диалектах. Ср. в южных и юго-западных диалектах «рѣнь» (песчаная отмель на реке), «ирий» (теплые южные страны), «лагодити» (потворствовать), «укропъ» (кипяток), «вежа» (башня), «мѣсто» (городское поселение), «мѣстичъ» (горожанин) и т. д.

Несмотря на указанные выше исторические условия, вызвавшие оживление и развитие местных диалектов, древнерусский язык оказался очень устойчивым. Основные изменения, происходившие в структуре древнерусского языка в XII—XIII ст., представляли собой закономерные изменения для всего общенародного языка древнерусского

населения, перекрывая местные речевые особенности. Общность развития русского, украинского и белорусского языков во многих отношениях сохраняется и в наше время.

В XII—XIII ст. в звуковой системе древнерусского языка происходит важное изменение, явившееся причиной многочисленных и разнообразных новшеств. В силу фонетической эволюции еще задолго до XII—XIII ст. особые гласные звуки, изображавшиеся на письме буквами **ѣ** и **ь** (эти звуки были очень краткими; в науке они называются редуцированными, или глухими, или сверхкраткими), стали изменяться двояким образом: в так называемом сильном положении (т. е. перед слогами, имеющими **ѣ** и **ь**) **ѣ** и **ь** начали приближаться к **о** и **е**, а в слабом положении (т. е. перед слогами с гласными полного образования и в абсолютном конце слова) становились еще более краткими, близкими к «нулю звука». В XII—XIII ст. **ѣ** и **ь** перестают существовать как особые гласные: они в соответствии с занимаемой позицией в слове или изменяются в обычные **о** и **е**, или исчезают (этот фонетический процесс в основном завершается ко второй половине XIII ст., причем на юге несколько раньше). «Падение» особых звуков **ѣ** и **ь**, охватившее всю территорию распространения древнерусского языка, повлекло за собой целый ряд изменений в звуковой структуре древнерусской речи, в частности образование закрытых слогов (напр., слово «домъ» ранее имевшее два открытых, т. е. оканчивающихся на гласный звук, слога — «до-мъ», стало состоять из одного закрытого, т. е. оканчивающегося на согласный звук, слога — «дом»), озвончение глухих согласных, оказавшихся непосредственно перед звонкими согласными (ср., напр., древнерусск. «сѣдѣсъ», изменившееся в «здесь»), оглушение звонких согласных, оказавшихся непосредственно перед глухими (ср. древнерусск. «бѣчела» и современное русское «пчела») и т. п. Однако указанный общий фонетический процесс по диалектам протекал не во всем одинаково. Например, образование закрытых слогов в южных диалектах создало условие для сложной эволюции **о** в закрытом слоге, которое в современном украинском языке в этой позиции звучит как **і** («кінь» вместо «конь», «віл» вместо «вол» и т. п.). Таким образом, многие важнейшие изменения, происходившие в структуре древнерусского языка, имея всеобщий характер, в то же время, в связи с обособлением отдельных частей древнерусской народности, реа-

лизовались в своих частностях не всегда одинаково, подготавливая почву для разделения древнерусского языка на самостоятельные современные восточнославянские языки, развивающиеся по своим собственным внутренним законам. Тот же процесс имел место и в грамматическом строе, и в основном словарном фонде древнерусского языка. Общие изменения системы склонения, системы спряжения и т. д. по разным диалектам протекали не во всем одинаково.

Имевшее место в XII—XIII ст. обособление отдельных частей древнерусской народности привело к тому, что постепенно из единой древнерусской народности образовались три братских народности — русская, украинская и белорусская с присущими им особенностями языка, культуры и быта. «Несмотря на все исторические превратности и великие испытания, русский, украинский и белорусский народы сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, близости языка и культуры, сознание общности своей судьбы».¹

Историческим ядром русской народности было население центрального Окско-Волжского бассейна. Монголо-татарское нашествие нанесло тяжкий ущерб всем древнерусским землям, в том числе и северо-восточной Руси. Однако народ постепенно оправляется от тяжелого удара и начинает набираться новых сил. В XIV в. упадок сельского хозяйства, ремесла и торговли сменяется подъемом. Проводятся значительные работы по расчистке лесов под пашню, особенно в Окско-Волжском междуречье, которое становится житницей всей северо-восточной и северной Руси, возрождается сельское хозяйство, употребляющее плуг, начинается господствовать трехпольный севооборот. В то же время развиваются ремесла и торговля, растут и множатся города и посады. Развитие экономики, а также интересы обороны от новых нашествий иноземных полчищ, создавали объективные условия для политического и культурного объединения разрозненных феодальных земель. Диктуемый жизненной необходимостью объединительный процесс наталкивался на ожесточенное сопротивление крупных феодалов, проводивших политику дробления земель и, следовательно, ослабления народных сил, особенно в условиях интервенций со стороны хищных соседей. Сепаратистские тенденции феодалов в конце концов были

¹ «Правда», 12 января 1954 г.

сломлены. В объединении северо-восточных и северных земель выдающаяся роль выпала на долю нового центра — Москвы. Московское княжество сначала входило в состав Ростовско-Суздальской земли. Уже в конце XIII — начале XIV ст. оно было одной из наиболее населенных территорий. В 1301 г. к Москве были присоединены Коломна, Лопасня и некоторые другие рязанские уделы. Постепенно Московское княжество разрастается в разных направлениях: к нему присоединяются в 1302 г. Переяславль-Залесское княжество, в 1303 г. Можайский уезд, в середине XIV в. Владимирское и Костромское княжества, во второй половине XIV в. Белозерское княжество, в конце XIV в. Муромское княжество и Мещерские земли и т. д. С Московским княжеством соперничают другие крупные княжества: Тверское, Рязанское и Нижегородское, но экономическое развитие, географическое положение, этнический состав населения создали решительный перевес Москвы. Уже во второй половине XIV в. Москва возглавляет борьбу за свержение татаро-монгольского ига, ярким выражением чего является великая победа в 1380 г. русских войск во главе с московским князем Дмитрием Ивановичем Донским над полчищами Мамаю на Куликовом поле. В XV в. создается сильное централизованное Русское государство, в пределах которого при Иване III завершается ликвидация феодальной раздробленности. С присоединением Новгородской и Псковской земель процесс государственного объединения северо-восточных и северных земель в основном был закончен. Русь окончательно освобождается от монголо-татарского ига (1480 г.).

В XIV—XVI ст. происходит значительный рост русской культуры, письменности. Появляется большое число литературных произведений, оригинальных и переводных, развиваются старые и возникают новые литературные жанры и стили. В пятидесятых годах XVI ст. Иван Федоров и Петр Мстиславец кладут начало книгопечатанию.

С образованием централизованного Русского государства процесс постепенного сложения русской народности был завершен. Русский язык (язык русской народности) непосредственно продолжил линию развития древнерусского языка (как и братские украинский и белорусский языки), т. е. грамматический строй и основной словарный фонд древнерусского языка были унаследованы новым русским языком.

Однако грамматический строй и основной словарный фонд, унаследованные от древнерусского языка, не оставались без изменений: в них отмирали элементы старого качества, нарождались и развивались элементы нового качества. Заметные изменения, например, происходят в строе глагола, особенно в системе времен. В древнерусском языке было четыре прошедших времени с присущими им особыми грамматическими формами: аорист, означавший прошедшее действие без расчленения его на отдельные моменты, независимо от его краткости или длительности (ср., напр., в «Повести временных лет»: «в се же лѣто **рекоша** дружина Игореви: ...поиди, княже, с нами в дань... **И послуша** ихъ Игорьъ, **иде** в Дерева в дань»); имперфект, обозначавший прошедшее длительное действие с оттенком его повторяемости, расчлененности (ср. в том же предложении «Повести временных лет»: Игорьъ «иде в Дерева в дань, и **примышляше** к первой дани и **насиляше** им»); перфект, обозначавший прошедшее действие, соотношенное с настоящим временем (ср. «Се повѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда **есть пошла** русская земля» = «откуда началась Русская земля», которая существует и в настоящее время) и, наконец, плюсквамперфект или давно прошедшее время. Иногда перфект в 3-м лице употреблялся без связки и состоял из одного глагола (бывшего причастия) на -лъ (ср. в надписи на Тмутороканском камне 1068 г.: «Глѣбъ князь **мърилъ** море по леду отъ Тьмутороканя до Кърчева»).

Уже в древнерусском языке описанная выше сложная система прошедших времен начинает разрушаться. Из живого народного языка прежде всего вытесняется имперфект, затем аорист, наконец, сложные прошедшие времена: перфект и давно прошедшее время. В языке русской народности аорист и имперфект окончательно отмирают (впрочем, аорист, употреблявшийся еще в деловых грамотах XIV—XV ст., может быть, еще некоторое время держался в отдельных местностях). Сложные прошедшие времена оказались более устойчивыми, но постепенно тоже заменяются формой прошедшего времени современного типа (остатки перфекта и давно прошедшего времени наблюдаются в некоторых современных говорах). Правда, в сфере письменного языка формы отмерших прошедших времен употребляются еще долго (в отдельных случаях с нарочитыми стилистическими целями их употребляют

даже современные писатели), но они перестают быть явлениями народного языка.

Вместе с развитием глагольных видов и рядом других сложных процессов в языке русской народности окончательно устанавливается система глагола (его времен, наклонений и т. п.), которая во всем существенном сохранилась до настоящего времени.

Процесс постепенной перестройки захватил также и систему склонения. Начавшееся еще в древнерусском языке разрушение старых типов склонения имен, унаследованных от общеславянского языка, и сложение на их базе новых трех основных типов склонения также в основном завершается в XV—XVII ст. Выходят из употребления общенародного языка двойственное число, краткие (именные) формы прилагательных в функции определения и т. п. В общем, грамматический строй русского языка в эту эпоху принимает почти современный вид.

Значительные изменения происходят в основном словарном фонде и особенно в словарном составе. Словарный состав значительно пополняется (за счет всякого рода новообразований и отчасти заимствований) во всех его отраслях. Приведем здесь некоторые примеры словарных пополнений в различных тематических группах лексики (как правило, не зафиксированных в известном словаре древнерусского языка И. И. Срезневского и отсутствующих в памятниках древнерусской письменности XI—XIV ст.). Слова, относящиеся к различным явлениям природы: «степь» (слово неизвестного происхождения; с 1-й половины XVII в.), «косогор» (с XVII в.), «бугор» (вероятно, заимствование из тюркских языков; со 2-й половины XVI в.), «топкий» (с 1-й половины XVI в.), «полая вода» (с XVII в.), «водяной» (в отличие от древнерусского «водный»; с 1-й половины XVI в.), «стужа» (с XVII в.) и т. д. Названия рыб, животных и растений: «стерлядь» (с половины XV в.), «сазан» (с XVII в.), «плотица» (с конца XV в.), «налим» (с XV в.), «белуга» (с конца XVI в.), «морж» (с XVI в.), «барс» (с конца XVI в.), «ельник» (с XVI в.) и т. п. Особенно значительными были пополнения в области производственной (отмечалось большое расширение профессиональной лексики) и общественно-политической терминологии. Некоторые слова основного словарного фонда, существовавшие много веков, по разным причинам начинают постепенно оттесняться другими слова-

ми — синонимами. Это происходит, например, со словом «око», которое заменяется словом «глаз» (в древнерусском языке «глаз» — блестящий стеклянный шарик), со словом «перст», которое оттесняется словом «палец», и т. д. Ср., напр., также изменения в системе ряда широко употребительных глаголов. В языке большинства оригинальных литературных произведений древней Руси из слов, обозначающих процесс речевого общения, наиболее распространенными были «речи» и «глаголати» (сказать, сказывать, говорить). Например, в древнерусской летописи эти слова употребляются многие сотни раз. Гораздо реже встречаются близкие по значению слова «казати», «сказати», «говорити», «молвити» и некоторые другие. Примерно в XIII в. «речи» и «глаголати» начинают идти на убыль (в сфере книжной речи, питаемой церковнославянским языком, эти слова по традиции сохраняются еще очень долго) и постепенно вытесняются словами «сказать» и «говорить», которые в языке русской народности завоевывают прочные позиции. Также оттесняются глаголы «имати», «зрѣти» и др. глаголами (тоже старыми) «братъ», «смотреть» и др.

Русский, украинский и белорусский языки, развиваясь из одного корня — древнерусского языка, сохраняют непосредственную близость между собой и переживают общие изменения в грамматическом строе и основном словарном фонде. Общность между восточнославянскими языками поддерживается также не прерывающимися связями между русской, украинской и белорусской народностями, позже нациями. В то же время в каждом из этих языков вырабатываются свои особенности, которые отличают один язык от другого. В фонетическом строе это такие явления, как наличие в украинском языке нового *i* в закрытых слогах («віл» — вол, «вівця» — овца и т. п.), развитие в русском языке сочетаний *-ой*, *-ей* на месте старых *-ый*, *-ий*, сохранившихся в украинском и белорусском языках (русск. «мою», «рою», белорусск. «мыю», «рыю», укр. «мию», «рию» и т. д.), отвердение в украинском языке согласных перед гласным *e* (украинцы произносят «дэнь» — день, «вэчир» — вечер и т. п.), отвердение в белорусском языке *p* («трапка» — тряпка, «гавару» — говорю и т. д.) и ряд других особенностей. То же происходит и в грамматике; например, в русском языке утрачивается старая

форма звательного падежа, сохранившаяся в украинском и отчасти белорусском языках (ср. укр. «чоловіче», «діду», «синку», «друзе», «мамо», «жінко», белорусск. «человече», «брате», «мужу», «коню»), развивается и получает широкое распространение форма именительного падежа множественного числа имен существительных мужского рода (в говорах и женского рода на -ь) на -а («города», «дома», «берега», «леса», «глаза» и т. д.), отсутствующая в украинском и белорусском языках (ср. белорусск. «гарады», «дамы», «лясы», «глазы» и пр.) и т. п.

В каждом из восточнославянских языков образуются значительные пласты лексики (разного исторического происхождения), преимущественно свойственные только одному из языков. Особенно заметны словарные различия между русским и украинским литературными языками. Ср., напр., русск. «бобыль» — украинск. «бурлака», соответственно «бумага» — «папір», «вдруг» — «враз», «раптом», «нараз», «відразу»; «ветчина» — «шинка», «вор» — «злодій», «деньги» — «гроші», «забота» — «турбота», «клопіт»; «вопрос» — «питання», «кнут» — «батіг», «крыльцо» — «ганок», «кстати» — «до речі», «до діла»; «красный» — «червоний», «город» — «місто», «совет» — «рада», «площадь» — «майдан», «ларь» — «рундук», «накануне» — «напередодні», «очень» — «дуже», «парикмахерская» — «перукарня», «голяря»; «печальный» — «сумний», «пожалуйста» — «будь ласка!», «будьте ласкаві», «почти» — «майже», «роща» — «гай», «стул» — «стілець», «столь» — «так», «такий», «ужин» — «вечеря» и многие другие словарные различия.

Своеобразными путями развивается литературный язык русской народности, являвшийся письменной разновидностью общенародного языка. В нем происходят все те изменения, которые осуществляются в общенародном языке. Касаясь истории русского литературного языка XIV—XVII ст., следует упомянуть о его взаимодействии с церковнославянским языком, имевшим еще довольно широкое применение в письменности. За столетия своего употребления на русской почве церковнославянский язык кое в чем заметно изменяется, однако древнеболгарская его основа остается. Следовательно, церковнославянский язык с течением времени все более и более расходится с общенародным языком, становится все менее понятным

для народных масс.¹ Это обстоятельство и решило судьбу церковнославянского языка в отрицательном смысле, но он не сразу утрачивает свои позиции. Более того, с конца XIV ст. в сфере книжной речи использование церковнославянских языковых средств даже заметно усиливается по сравнению с XIII—XIV вв. В частности, усиление позиций церковнославянского языка проявляется при переписывании древнерусских оригинальных произведений, например, летописей. В процессе этого переписывания язык древнерусских произведений подновлялся, причем нередко древнерусские народные формы и слова переписчики или компиляторы заменяли церковнославянскими формами и словами. Ср., напр., подновления в тексте «Повести временных лет»: старое «**умре** Ольга» заменяется на «**преставися** Ольга», «**сълѣзь** с горы сея» на «**сниде** съ горы сея», «**переклюкала** (— перехитрила) мя еси Ольга» на «**упремудри** царя Ольга» и т. п. Очень часто старые полногласные формы заменяются формами неполногласными, **ж** и **ч** (из общеславянских *dj*, *tj*) — старославянским **жд** и **щ** и т. п.

В книжной сфере русского языка резко повышается продуктивность образования сложных слов типа «великозлобство», усложняется и делается тяжеловесной структура предложения, широко употребляются уже отмершие в народном языке грамматические формы (такие, например, как аорист, имперфект) и слова.

Усиление с конца XIV в. позиций церковнославянизмов в науке долгое время считалось проявлением так называемого «второго южнославянского влияния» (названного вторым в отличие от первого, когда в древнюю Русь из южнославянских стран приходит старославянская письменность). Это «второе южнославянское влияние» объяснялось прибытием на Русь болгарских и сербских книжников, бежавших из своих стран от турецкого насилия,

¹ Владение церковнославянским языком почитается важным признаком образованности. Генрих Лудольф, побывавший в России и в 1696 г. напечатавший в Оксфорде краткую грамматику русского языка для иностранцев, даже замечает, что в Москве церковнославянский язык является языком учености, а русский язык употребляется в быту. Это заявление Лудольфа преувеличивало расхождение между книжной и устной речью, но оно интересно тем, что показывает, какое значение придавалось на Руси в то время церковнославянскому языку образованными людьми.

широким распространением в Московской Руси южнославянской литературы. Однако неоспоримые факты свидетельствуют против крайнего преувеличения некоторыми учеными «второго южнославянского влияния». Действительно, на Руси появляются такие южнославянские деятели, как серб Пахомий Логофет, болгарин Григорий Цамблак и некоторые другие, распространяется ряд произведений южнославянской литературы. Но это обстоятельство не оказало сколько-нибудь заметного влияния на развитие русского литературного языка. К XIV—XV ст. болгарский и сербский языки развили целый ряд новых особенностей в своей грамматической структуре и основном словарном фонде. Если бы «оболгаривание» русского литературного языка действительно имело место, то специфические особенности болгарского и сербского языков не преминули бы найти свое широкое отражение в структуре русского литературного языка. На самом же деле этого не было. Южнославянское влияние сказалось в известной степени только на внешней стороне письма — в подражании нормам южнославянской орфографии (и то не во всех разновидностях письменных произведений). Например, вопреки нормам русского произношения становятся частыми написания без йотации: «ученіа» вместо «учения», «своа» вместо «своя» и т. п. Что же касается грамматических форм и словарного состава, то болгарско-сербское влияние было ничтожным и преходящим. Ср. такие болгаризмы, как формы «тріехъ», «пятихъ» (трех, пяти), «сыновомъ», «сыновъхъ» (сыновьям, сыновьях), отдельные слова «пръзь» (через), «цѣфту» (цвету), «кclosный» (увечный), «кocнѣти» (медлить) и некоторые другие.

Широкое использование средств церковнославянского языка, который, как говорилось выше, был вторым литературным языком в древней Руси Киевского периода, имело лишь косвенное отношение к мнимому «второму южнославянскому влиянию» и было обусловлено причинами внутреннего порядка. В обстановке возросшего авторитета центральной власти и особенно церкви, игравшей большую роль в Московской Руси, возникло стремление придавать письменной речи «торжественный», «высокий» стиль, что и достигалось путем широкого и нередко механического использования церковнославянизмов. В результате получалась пестрота языковых стилей, «ученая» и подчас темная вычурность языка многих литературных

произведений, что было очень характерно для того времени. В отдельных случаях вычурность языка доходила до крайних пределов. Ср., например, один из заголовков «Временника», написанного дьяком Иваном Тимофеевым приблизительно в 1610—1617 гг.: «Самодержавная вправду царствия благочестивых име царствоваша по благодати новому Израилю, велицей России, при нашем роде, преимея во всех». Издатели «Временника» переводят этот заголовок следующими словами: «По достоинству самодержавные царствования благочестивых (царей), которые царствовали над новым Израилем — великой Россией — по милости (божией) при нашем поколении, имея превосходство над всеми». ¹ Язык «Временника» настолько вычурен, что далеко не всегда поддается вразумительному или во всяком случае ясному переводу.

Наплыв церковнославянизмов грозил полным разрывом между общенародным и литературным языками. Эта угроза была постепенно ликвидирована путем развития литературного языка на общенародной основе и резкого ограничения церковнославянизмов. Но все же русский литературный язык XV—XVII ст. обогащается за счет церковнославянского языка: по образцу церковнославянских в нем создается немало новых слов с неполногласием, с жд и щ (на месте исконно русских ж и ч), становятся продуктивными причастия действительного залога, как грамматические определения («знающий», «читающий» и т. д.) и т. п. Все эти особенности впоследствии постепенно выходят за пределы узкой сферы письменной речи и становятся общим достоянием русского языка, хотя налет «книжности» на некоторых из них продолжает ощущаться и в настоящее время (ср., напр., такие слова с суффиксами отвлеченности, как «багровость», «беглость», «безбрежие» и др.).

И. В. Сталин дал точное и исчерпывающее марксистское определение нации, ее возникновения и развития. «...нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности

¹ Временник Ивана Тимофеева, изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 172.

специфических особенностей национальной культуры». ¹ Нация возникает и развивается в эпоху подымающегося капитализма. До капитализма нации не могли возникнуть и существовать, поскольку для этого не было еще необходимых условий. «Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами» ².

Говоря о развитии национальных связей на Руси, т. е. о начале сложения русской нации, В. И. Ленин указывает, что этот процесс начался только в новый период русской истории (примерно с XVII в.), когда произошло фактическое слияние областей, земель и княжеств в единое целое. В XVII в. усиливается обмен между областями, растет товарооборот, небольшие местные рынки концентрируются в один всероссийский рынок. Следовательно, развитие русской народности в русскую нацию и изменение языка русской народности в национальный русский язык начинаются **примерно с XVII века**. Проводить какую-либо резкую хронологическую границу между русской народностью и русской нацией было бы неосновательно ни в теоретическом, ни в фактическом отношении.

Чем же стал отличаться по мере своего сложения и развития национальный русский язык от языка русской народности? Во-первых, иным стало соотношение между общенародным языком и местными диалектами. Во-вторых, значительно расширяется и укрепляется общенародная основа литературного языка, ограничиваются сферы употребления церковнославянизмов, функции национального литературного языка принимают всеобъемлющий характер. В-третьих, устанавливаются образцовые нормы и правила литературного языка, которые исключают существенный разноречивый в грамматике, общеупотребительном словарном составе, произношении и орфографии. И, ко-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 333.

² Там же, стр. 336.

нечно, русский язык на протяжении XVII—XX ст. значительно обогащается и совершенствуется во всех отношениях. Разумеется, указанные отличия выработались не сразу, а постепенно.

Сложение и развитие языка русской народности не ликвидировало нарастания местных диалектных различий: сохранявшаяся экономическая и культурно-бытовая обособленность отдельных земель, областей и княжеств создавала благоприятные условия для образования новых местных диалектов и говоров. Большая часть известных историкам и диалектологам русского языка диалектных явлений речи возникает именно в период XIII—XVII столетий. Правда, не все местные диалекты играли одинаковую роль в развитии общенародного языка, в определении колеблющихся норм литературного языка. Можно полагать, что с XIII—XIV ст. особое место занимал окающий владими́ро-сузда́льский диалект, не имевший ряда особенностей, характерных для окраинных диалектов (южного аканья, новгородского цоканья и т. д.). Черты владими́ро-сузда́льского диалекта, присущие всем северным говорам: взрывной согласный г, твердое окончание глагольных форм 3-го лица настоящего времени, новообразованная форма родительного падежа единственного числа личных местоимений «меня», «тебя», «себя» и др. вошли в структуру говора Москвы (как и большинства среднерусских говоров), а позже и в структуру национального русского языка. Долгое время в Москве (по крайней мере у значительной части ее населения) сохранялось оканье. Однако владими́ро-сузда́льский диалект в силу сохранявшейся разобщенности земель не мог достичь господствующего, определяющего положения в системе всех русских диалектов. Местные диалекты продолжали развиваться, и в их структурах образовывались все новые и новые особенности. С XVII в. положение изменилось. На первое место выдвигается курско-орловский диалект («курско-орловская речь»), который ложится в основу национального русского языка. С образованием национального русского языка местные диалекты теряют свою самобытность, начинают растворяться и исчезать в общенародном языке. Резко уменьшается и, наконец, вовсе исчезает образование новых диалектных особенностей, а сохранившиеся диалектные явления начинают все более и более вытесняться общепринятыми языковыми нормами. Проблема курско-

орловского диалекта и его роли в образовании национального русского языка еще подлежит капитальному историко-лингвистическому изучению, поэтому здесь мы выскажем только несколько общих замечаний.

Курско-орловский диалект был одним из местных диалектов языка русской народности. Современные курско-орловские говоры (за вычетом говоров поздних переселенцев в курско-орловские земли) вместе с другими южновеликорусскими говорами (напр., тульскими) по своему грамматическому строю и основному словарному фонду представляют собой ярко выраженное диалектное единство. Им свойственен также ряд общих фонетических особенностей (прежде всего аканье). Можно полагать, что в XVII в. курско-орловский диалект, будучи типичным и наиболее важным представителем южновеликорусских говоров, также был единым в своем составе. Многие существенные изменения, происходившие в структуре языка русской народности, повидимому, находили свое наиболее полное выражение в курско-орловском диалекте: отмирание архаических черт (которые в северных говорах остаются сохраняются до настоящего времени, вроде пережитков двойственного числа, перфекта, давнопрошедшего времени и т. д.), зарождение и развитие новых особенностей: выдвигание формы множественного числа именительного падежа на -а («города», «луга», «дома» и т. п.), широкое распространение окончания -у в словах мужского рода единственного числа родительного и предложного падежей («сахару», «на берегу», «в лесу» и т. д.) и др.

Если до XVII—XVIII ст. в русский литературный язык широким потоком входили особенности северновеликорусских диалектов, то в XVII—XVIII вв. происходит неоднократно отмечавшийся в языковедной литературе процесс вытеснения этих особенностей и замены их нормами курско-орловского диалекта. Приведем некоторые типичные примеры из области грамматики. Древняя форма имен существительных на -ко во многих северновеликорусских говорах (в том числе и окающих владими́ро-суздальских и московских) получила широкое распространение и даже захватила слова женского рода (ср. в ряде современных говоров: «девчѣнко», дательный падеж «девчѣнку», творительный падеж «с девчѣнком»). В письменных произведениях XV—XVII ст. эта форма встречается нередко. Напри-

мер, в «Житии» протопопа Аввакума мы находим «в мое дворишко», «шубенко тонко», «Кириллушко» звали» и т. д. Эта особенность не была свойственна курско-орловскому диалекту. В XVII—XVIII ст. она в литературном языке идет на убыль и, наконец, вовсе исчезает. В литературном языке, начиная с XIV ст., часто употреблялась форма сравнительной степени на **-ае**, **-яе**, сохраняющаяся и теперь в ряде северновеликорусских говоров. Ср., напр., в «Уложении» 1649 г. Алексея Михайловича: «будеть въ то время хлѣбнымъ запасомъ и конским кормом положена указная цена, дешевяе торговые цены», у Котошихина: «бывали люди у меня мудряе тебя и досужае» и у многих других авторов. Во второй половине XVIII в. форма на **-ае**, **-яе** начинает оцениваться как просторечная, подлежащая вытеснению из литературного языка. Коренные курско-орловские говоры никогда не имели указанной формы. Еще в древнерусском языке, преимущественно в письменности северного происхождения, было в ходу сочетание глаголов неопределенного наклонения с формой женского рода на **-а**: «взяти гривна» (вместо «гривну»), «носити вода» (вместо «воду») и т. п. Эта особенность пережиточно сохраняется во многих современных северновеликорусских говорах. В письменных произведениях эпохи языка русской народности оборот этот был довольно обычен. Мы его находим в «Задонщине»: «а уж бо, братъе, жалостно видѣти кровь крестьянская» (вместо «крестьянскую»), в «Домострое»: «сама бы знала, како мука съяти, како квашня притворити» и во многих других письменных памятниках XIV—XVII ст. Иначе говоря, эта особенность древнерусского языка продолжала сохраняться в диалектах языка русской народности и свободно входила в структуру литературного языка. Можно определенно полагать, что носители курско-орловского диалекта XVII в. не говорили «мука сеять», «носить вода». В XVIII ст. указанный оборот постепенно вытесняется из литературного языка.

То же, что и в грамматике, происходило и в основном словарном фонде: многие слова курско-орловского диалекта получали права «литературного гражданства», т. е. становились словами национального языка, тогда как слова севернорусских диалектов, ранее свободно употреблявшиеся в литературном языке, оттеснялись в сферу чисто диалектной (или архаической) речи. Так, например,

слово «орать» (пахать) заменяется словом «пахать», слово «худо» словом «плохо» и т. д.

Показательным также является распространение аканья, т. е. совпадение в неударном слоге гласных звуков **о** и **а** в один гласный **а** (в произношении «вада» вместо окающего «вода», «карова» вместо «корова» и т. п.). Происхождение аканья до сих пор остается еще невыясненным. Первые случаи отражения аканья в письменности относятся к XIV ст., что еще не означает, что аканье в некоторых диалектах не существовало значительно раньше. Курско-орловский диалект был типично акающим. Аканье, распространяющееся из южновеликорусских областей, постепенно становится нормой большинства населения Москвы (в XVI—XVII ст.) и затем образцовой нормой национального русского языка.

Таким образом, важнейшие изменения в структуре русского языка эпохи становления нации определились нормами курско-орловского диалекта. Конечно, это вовсе не значит, что **все** особенности курско-орловского диалекта стали общенациональными нормами. Если бы это было так, то современные курско-орловские говоры ничем бы не отличались от литературного языка. Между тем, современные курско-орловские говоры продолжают сохранять много чисто местных, диалектных черт (различные типы яканья, фрикативное произношение звука **г**, мягкое окончание глаголов 3-го лица настоящего времени, формы родительного и винительного падежей «мене», «тебе», «себе» вместо «меня», «тебя», «себя» и т. д.). Это во-первых. Во-вторых, нужно особенно подчеркнуть, что становление национального русского языка на основе курско-орловского диалекта XVII—XVIII вв. вовсе не означало коренной ломки структуры языка русской народности. Национальный русский язык преемственно продолжал развивать и совершенствовать структуру языка русской народности, но при своем становлении получил опору в одном из местных диалектов языка русской народности — курско-орловском диалекте. Курско-орловский диалект сыграл свою историческую роль прежде всего в том отношении, что ряд его особенностей стал общерусскими нормами, что все местные диалекты перестали усиливаться и начали растворяться в системе национального языка. Те же (многие) особенности курско-орлов-

ского диалекта, которые остались чисто местными, разделяют судьбу всех других диалектизмов.

Выдающаяся роль курско-орловского диалекта в становлении национального русского языка, несомненно, была обусловлена определенными причинами. Курско-орловские земли, бывшие юго-восточной окраиной древней Руси, непосредственно соприкасавшиеся с кочевнической степью, подверглись опустошению со стороны монголо-татарских орд. Правда, часть населения оставалась на своих старых местах, но все же до XVI в. основная масса русского народа была сосредоточена в бассейне Оки и северных областях. С XVI в. положение изменяется. Курско-орловские земли начинают интенсивно заселяться, прежде всего носителями акающих говоров из тульских, калужских и других соседних мест. В XVII в. курско-орловская область в экономическом и других отношениях занимает видное место в жизни страны, из окраинной превращается в важнейшую центральную область. Интенсивные связи населения курско-орловских земель с центром государства Москвой предопределяют выдвижение на первый план по сравнению с другими местными диалектами курско-орловского диалекта.

Мы уже говорили, что в древней Руси был не один, а два письменных (литературных) языка: древнерусский и церковнославянский. В XIV—XVI ст. несколько видоизмененный (прежде всего под воздействием русского языка) церковнославянский язык не утратил своего влияния на русский литературный язык. В процессе сложного взаимоотношения русского и церковнославянского языков в книжной сфере русского языка развиваются различные «славено-русские» стили, насыщенные архаическими словами и выражениями, с тяжеловесными синтаксическими конструкциями. Язык такого рода произведений все более и более расходился с нормами общенародного языка и был мало понятен для широких слоев населения. Существование и рост указанных языковых стилей, их смешение и пестрота в условиях становления нации мешали литературному языку выполнять свою национальную роль. Жизнь выдвигала требование сблизить литературный язык с языком общенародным. Это требование могло быть осуществлено прежде всего путем ограничения использования церковнославянских форм, слов и оборотов речи. Во второй половине XVII и начале XVIII ст. на-

чинают заметно усиливаться жанры литературных произведений (художественных, научных, публицистических и других), в которых удельный вес церковнославянизмов заметно снижается. Известную роль в ограничении церковнославянского языка сыграл указ Петра I (1708 г.) о создании гражданского алфавита в противовес архаическому «церковному» алфавиту. Особое место в деле сближения литературного языка с общенародным разговорным занял гениальный М. В. Ломоносов. Он создал знаменитую «теорию трех стилей», в которой отвел церковнославянизмам ограниченные функции, упорядочил существовавшую ранее пестроту языковых стилей. Эта теория, которую Ломоносов и его последователи проводили в жизнь, по словам Пушкина, открыла путь «счастливому слиянию» всех живых сил русского литературного языка.

Однако в XVIII ст. сложение основ современного русского литературного языка не было закончено. Обилие церковнославянских элементов, много рода архаизмов и чисто книжных образований (слов, оборотов речи и т. п.) дает себя знать еще в начале XIX века. Очищение литературного языка от всего чуждого и искусственного (в том числе и от множества ненужных иностранных слов, которые особенно заметно засоряли русский язык в петровское время и последующие за ним десятилетия), использование еще не введенных в оборот литературно-языковой практики богатств народного языка происходят постепенно, осложняясь ожесточенной борьбой различных литературно-языковых направлений. После Ломоносова разгораются жаркие споры между сторонниками Карамзина и Шишкова об основах литературного языка и его дальнейших судьбах. Карамзин и его сторонники немало сделали для обогащения словарного состава литературного языка, совершенствования его грамматического строя. Однако карамзинисты переоценивали значение западноевропейских языковых заимствований в русском языке и пренебрегали так называемым русским «просторечьем». На их языковой деятельности отразилось стремление к «салонному языку», т. е. своеобразному жаргону верхушечных слоев общества, который в ходе развития русского языка не имел никакой перспективы на будущее. Как известно, классовые жаргоны, не имеющие своего особого грамматического строя и основного словарного фонда, обслужи-

вают только членов верхушки какого-либо класса и совершенно не годятся как средство общения людей для общества в целом. Шишков и его последователи, наоборот, занимали крайние позиции по отношению к заимствованиям из западноевропейских языков, неосновательно отрицая всякую полезность этих заимствований. Известны неудачные потуги Шишкова и шишковистов заменить вошедшие в словарный состав русского языка заимствования выдуманными словами. Шишковисты считали, что основой русского литературного языка должен быть церковнославянский язык и так же пренебрежительно, как и карамзинисты, относились к «простонародной речи». Таким образом, карамзинисты и шишковисты, несмотря на различие их позиций, сходились в главном: в отрицании богатств общенародного языка как основной базы литературного языка.

Борьба между карамзинистами и шишковистами вовсе не исчерпывала разнообразия и сложности многочисленных направлений в борьбе за литературный язык предпушкинской эпохи, однако она показательна во многих отношениях, поэтому мы и упоминаем о ней в настоящей брошюре.

Попытки воссоздать из различных речевых «стилей» стройную систему литературного языка предпринимались многими писателями, предшественниками и современниками Пушкина, но только великому гению Пушкина удалось разрешить эту исключительной важности национальную задачу. Пушкин широко использует общенародные средства русского языка, придает им мастерскую литературную обработку в той мере, в какой это оказалось нужным, обогащает народную основу литературного языка церковнославянизмами и западноевропейскими языковыми элементами. Литературный язык, освобожденный от сковывающих пут архаической церковнославянщины, обновляется, становится общедоступным. Обновленный неиссякаемыми богатствами народной речи, литературный язык приходит в гармоническое соответствие с общенародным языком, начинает закреплять национальные языковые нормы. Литературный язык становится не только единственным общенациональным средством письменного общения, но и приобретает всю силу образцового разговорного языка.

В пушкинскую эпоху был положен конец орфографическому, фонетическому, грамматическому и словарному разнообразию в литературном языке, столь характерному для всех предшествующих времен. Устанавливается строгая система норм, чему немало способствовали грамматики и словари, начиная с первой научной грамматики русского языка М. В. Ломоносова и академического словаря 1789—1794 гг. Например, в области грамматики осуждаются и запрещаются, как стоящие вне рамок литературного языка, такие формы, как окончания именительного падежа множественного числа существительных среднего рода **-и**, **-ьи**, **-ии**, **-ы** («мучении» вместо «мучения», «сокровищи» вместо «сокровища», «свойствы» вместо «свойства» и т. п.), окончание **-ьми** в творительном падеже множественного числа («избавительми» вместо «избавителями», «коньми» вместо «конями» и т. д.) и многие другие. Установление строгой нормативности и упорядоченности имело очень большое значение для дальнейшего развития русского литературного языка, для усиления его как средства национального общения. Это и понятно: неряшливость в языке, всякого рода отступления от общепринятых норм не только являются показателем невысокой культуры человека, но и затрудняют взаимопонимание между людьми. Конечно, нужно иметь в виду, что нормативность не может быть абсолютной, установленной раз и навсегда. Литературный язык постепенно изменяется, в нем и в настоящее время что-то отмирает и что-то рождается. Жизнь постоянно вносит поправки в установленные правила, в связи с чем эти правила имеют исключения, элементы противоречия, которые по мере их накопления должны устраняться.

Итак, к началу XIX века многовековая «предистория» современного русского литературного языка заканчивается. Со времени Пушкина начинается его история, дальнейшее развитие и усовершенствование. Известно, что современный русский язык мало чем отличается от языка Пушкина. Сами названия «русский литературный язык» и «современный русский язык» становятся однозначными. Различие между литературным языком и устным народным языком (исключая его местные, еще не исчезнувшие особенности) оказывается уже мало существенным. А. М. Горький в статье «О том, как я учился писать» (1928 г.) так определяет это различие: «Деление языка

на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой язык» и обработанный мастерами».

Русский язык на всех этапах своей истории, как и любой другой язык, изменялся и совершенствовался по внутренним законам своего развития. Многовековая история русского языка замечательна во всех отношениях. Истоки нашего родного языка лежат в бесписьменном языке древних восточнославянских племен. В настоящее время русский язык является богатейшим, высокоразвитым языком, великим языком великой нации.

Редактор — доктор филологических наук *К. А. Тимофеев*
Редактор Отделения Общества *И. Я. Розенфарб*

М-38439.
Заказ № 1277.

Подписано к печати 7/VI 1954 г.

Объем 3 печ. л.
Тираж 58 000 экз.

2-я типография „Печатный Двор“ имени А. М. Горького Союзполиграфпрома
Главиздата Министерства культуры СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

Автор: *Филин Федот Петрович*